

ФЕНОМЕН

СОВРЕМЕННОГО ВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

ВИКТОР САМОЙЛОВ

Проблемы вооруженного противоборства между людьми, имеющие не только военный, но и исторический, экономический, философский, социальный аспекты, традиционно привлекали к себе пристальное внимание военных деятелей, историков, экономистов, философов, социологов.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Новая, глобальная эпоха в истории человечества ставит новые задачи в области изучения основных тенденций эволюции данного феномена. Одна из них касается идентификации, казалось бы, давно и окончательно решенных наукой вопросов – таких, как определение войны, вооруженных конфликтов, военной агрессии, причин, которые их порождают, целей, которые в них преследуются.

В настоящее время четкое различие форм и видов современного вооруженного противоборства «имеет не только научно-теоретическое, но и огромное практически политическое значение. Не отделять друг от друга состояния мира и войны, мирные и немирные отношения, военное и невоенное насилие, не видеть диалектику их взаимосвязи и перехода друг в друга в политике означает потерю ориентации, принятие ошибочных решений, которые могут быть роковыми для любого государства».¹

В классическом понимании вооруженное противоборство – это, прежде всего, война. Она является фундаментальным социально-политическим явлением, концептуализацией сущности которого занимались многие известные обществоведы.

Широкой популярностью, как в среде политиков, так и ученых пользуется определение К. фон Клаузевица, согласно которому война – конфликт крупных интересов, регулирующих кровью, «акт насилия, цель которого заставить противника выполнить нашу волю».² С точки зрения ее политической сущности, война – «это рациональное действие, которое

совершается от имени государства или иного сообщества и в основе которого лежат политические цели».³ До сих пор многие авторы в понимании войны опираются на это определение.

В зарубежной научной литературе достаточно распространена трактовка войны, которую дали американские исследователи Д. Сингер и М. Молл еще в 1982 г. Согласно этому определению, войной следует считать «любое длительное столкновение между военными силами двух или нескольких правительств, либо между регулярной армией и какой-либо (по меньшей мере, одной) другой вооруженной группой, в котором количество жертв среди вооруженных сил превышает одну тысячу человек на всем протяжении столкновения».⁴

Ученые Вашингтонского института мира также выделяют три формальных признака войны: вовлечение в столкновение, по меньшей мере, одной регулярной армии; существование неизбежной логической цепи в последовательности событий вооруженного конфликта; минимальные потери в 1000 или более человеческих жизней в год.⁵

В большинстве современных трактовок войны в качестве главного признака присутствует организованное коллективное военное насилие. Многие теории также напоминают, что война не бывает без массовых человеческих жертв; они помогают отличить войну от личной вражды между отдельными людьми.⁶

Однако часто в определениях войны лишь приводятся один или ряд факторов, позволяющих идентифицировать этот социально-политический феномен. В их числе: длитель-

ность столкновений военных сил; участие регулярной армии; число минимальных «человеческих» потерь.

При этом остаются открытыми вопросы: Какой должна быть длительность «столкновения», чтобы его можно было назвать войной? Каким должно быть минимальное число человеческих жертв? Например, вооруженное противостояние в Северной Ирландии не считается войной из-за «недостаточного» количества жертв: на всем протяжении конфликта (более 30 лет) насильственная смерть постигла около 4 тыс. человек (военных и гражданских лиц).⁷

Наконец, как квалифицировать террористические и антитеррористические операции, которые также часто называют войной?

У некоторых авторов присутствует стремление давать расширительное толкование войны, по существу отождествляющее ее с распрями, враждой, насилием. В частности, разновидностью настоящей войны считают холодную войну, в ряду войн перечисляют «валютные», «кредитные», «ценовые», «таможенные», «технологические» и др.

Во многом это связано с тем, что и в общественном мнении, и в представлениях исследователей новые, получившие развитие сравнительно недавно, формы противостояния содержат признаки стратегии и тактики войны, нацеленной на поражение противника.

Представление о локальных конфликтах как о войне проявилось и в структуре речевого общения, где сформировалась особая социальная семиотика своеобразного языка войны.

В общественно-политической лексике, широко транслируемой СМИ, говорится о «войне в Чечне», «о войне в Югославии». Таково же и восприятие местным населением конфликтов в Южной Осетии и Абхазии – как «участие в войне, пребывание в войне».

Все социальные группы населения, находящегося в зоне конфликта, даже не участвующие в вооруженной борьбе, чувствуют себя «мобилизованными на противоборство в войне». Так радикализируются социально-политические представления, а в итоге целые сообщества, а не только участники вооруженного противостояния, становятся обществами, готовыми к войне, носителями «синдрома войны».⁸

Показательными в данной связи являются участвовавшие случаи использования в политических текстах так называемых «военных метафор», т.е. таких выражений, как «война с бедностью», «атака со стороны оппозиции», «разгромная публикация» и т.п. Эти метафоры, использующие упоминание о войне или же действиях, связанных с войной, для идентификации политического противостояния, независимо от того, в какой форме оно ведется, переживаются как война и могут служить средством

диагностики состояния индивидуального или общественного сознания.

Некоторых исследователей не устраивает известная формула К. фон Клаузевица о войне как продолжении политики насильственными средствами. Дело в том, что сегодня арсенал таких средств «насилия» значительно расширился: наряду с классическим оружием в войне все более применяются политические, экономические, финансовые, информационные, тайные средства. В частности, в США были проведены многочисленные исследования, касающиеся вопросов разработки «мирных» способов достижения крайне решительных целей вооруженной борьбы.⁹

К сожалению, современным ученым до сих пор не удалось выработать общего подхода к осмыслению понятия войны, адекватного нынешним условиям. Существующие определения излишне операциональны и не могут служить эффективным инструментом анализа новых явлений в данной сфере социального взаимодействия.

Некоторую помощь исследователям в идентификации «состояния войны», как казалось, должен был оказать факт «объявления войны» субъектами, намеривающимися воевать.

Так, еще Г. Гроций утверждал, что «декларация состояния войны» является необходимым условием, которое должно быть выполнено перед началом войны. Это «правило Г. Гроция» было предназначено для того, чтобы устранить факт внезапного нападения одного государства на другое. Декларация войны была полезна и как «окончательный ультиматум», имевший целью предотвратить фактическую вспышку военных действий. Но во времена Г. Гроция не существовало никаких общих обязательств относительно такой декларации, и история знала много случаев, когда она не была сделана.

В дальнейшем, по мере развития скорости разворачивания военных действий, стало превалировать мнение об обязательности «декларации войны», поскольку стремительные военные нападения стали равносильны «предательству». Поэтому Гагское соглашение от 1907 г. включало пункт об обязательности «декларации войны». В соответствии с этим соглашением, военные действия не должны начинаться без «предшествующего и ясного предупреждения в форме декларации войны или ультиматума».¹⁰ Поскольку «декларация войны» стала законом, также были определены специальные правила относительно ее формы.

С конца XIX в. «декларации войны», даже сделанной в одностороннем порядке, было достаточно для того, чтобы имело место «состояние войны». Такая декларация являлась юридическим инструментом, а не просто «вызовом, который мог быть принят или нет». Одна-

ко мощные государства иногда игнорировали такие декларации, даже если развязывали и продолжали военные действия.¹¹

Тем не менее, до сих пор, согласно нормам международного права, для того, чтобы начать военные действия государство должно объявить «состояние войны», а также военное или чрезвычайное положение, которое вводится наряду с объявлением состояния войны. В частности, в Российской Федерации «состояние войны объявляется, когда имеет место нападение другого государства или группы государств, а также при наличии непосредственной угрозы вооруженного нападения другого государства».¹²

В то же время, в соответствии с международным правом, «война» – это вооруженный конфликт между двумя или несколькими государствами. В случае объявления войны прекращаются дипломатические отношения между воюющими государствами. То есть войны ведутся субъектами международного права.¹³

Как видно из данного определения, в него включено другое, «смежное» с войной понятие «вооруженный конфликт», научная интерпретация которого также вызывает определенные трудности.

Например, военные эксперты считают, что под «вооруженным конфликтом» можно понимать любой конфликт с использованием оружия, при этом политические мотивы могут в нем и не присутствовать.¹⁴

Действительно, в последнее время возникают новые формы конфликтов, не политических по своему характеру и ближайшим причинам. Вооруженные банды, члены которых связаны между собой относительно случайными узами, часто мало «озабочены» стремлением к политической власти, ведя более или менее беспорядочную борьбу за прямой контроль над средствами производства. Форму настоящих военных операций против судов торгового флота любых государств принимает морское пиратство, распространенное в Юго-Восточной Азии; но пираты также преследуют цели обогащения, а не какие-либо политические цели. В Афганистане различные племенные вожди ведут вооруженную борьбу друг с другом не столько с целью завоевания политической власти, сколько за контроль над территориями, которые используются под плантации для выращивания наркотического сырья. В данной связи более правомерным представляется понятие «военного конфликта». В отличие от «вооруженного конфликта» для «военного конфликта» характерно обязательное наличие политических мотивов при использовании оружия.

Военный конфликт – это высшая ступень обострения противоречий между субъектами военно-стратегических отношений и одновременно это форма разрешения противоречий с

использованием в ограниченных масштабах вооруженных сил (военных формирований).

Сущностью военного конфликта является продолжение политики средствами вооруженного насилия.¹⁵

К военным конфликтам относятся различные военные инциденты, военные акции и другие вооруженные столкновения незначительного масштаба (низкой интенсивности) с применением регулярных или иррегулярных формирований, при которых акт формального объявления войны отсутствует.¹⁶

Военный конфликт часто рассматривается как одна из форм разрешения национально-этнических, религиозных и других противоречий с применением средств вооруженного насилия, при которой государство (государства) не переходят в особое состояние, определяемое как война.

Исследователи разделяют межгосударственные военные конфликты и внутригосударственные военные конфликты. Например, во внутригосударственных военных конфликтах военные действия ведутся, с одной стороны, регулярными вооруженными силами (правительственными войсками), а с другой, – нерегулярными вооруженными формированиями. Линия фронта в ее классическом виде, как правило, отсутствует. Боевые действия во многом носят очаговый характер. Вооруженные формирования предпочитают партизанские методы ведения борьбы – засады, внезапные нападения на подразделения противника, нарушения коммуникаций. Широкое распространение получают диверсионно-террористические акции.

В последнее время ряд исследователей часто применяет термин «ограниченный военный конфликт», к которым относит конфликты, связанные с изменением статуса той или иной территории, затрагивающие интересы, в том числе, ведущих держав мира и ведущиеся с применением самых современных средств вооруженной борьбы. В ограниченном военном конфликте численность противоборствующих сторон составляет от 7 до 30 тыс. человек; до 150 танков; до 300 боевых бронированных машин; 10-15 легких (в том числе учебно-боевых) самолетов; до 20 вертолетов.¹⁷

Однако достаточно широкое, а зачастую и произвольное использование термина «вооруженный конфликт» неизбежно ставит вопрос о границах этой дефиниции и его соотношении с термином «война». Например, П.А. Цыганков считает, что поскольку содержание термина «вооруженный конфликт» охватывает «любую ситуацию, независимо от ее правовой квалификации, в которой две или более сторон противостоят друг другу с оружием в руках»,¹⁸ то, в зависимости от обстоятельств, используют то

или другое понятие. Это, конечно, не проясняет сущности рассматриваемой проблемы.¹⁹

Следует отметить, что проблема соотношения понятий «вооруженный конфликт», «военный конфликт» и «война» вызвала оживленную дискуссию в Институте международного права. В конечном счете, многие его сотрудники пришли к выводу о мнимой важности «разграничения» данных определений и о необходимости выработки «ситуативного», т.е. гибкого подхода к их идентификации. Например, до 1990-х гг. термин «вооруженный конфликт» обозначал нечто «меньшее, чем войну», а затем он стал «шире», поскольку не все многочисленные вооруженные конфликты, случившиеся за последнее десятилетие, можно отнести к категории «войны». Вооруженный конфликт может быть, а может и не быть войной.

Следует согласиться с тем, что, несмотря на предпочтения исследователей, эти понятия, входящие в арсенал вооруженного противоборства между людьми, все же требуют некоторого разграничительного порога, если они применяются в современной политической практике. Однако акцент на принципиальном различии между ними не особо плодотворен, так как речь идет не о классификации форм вооруженного противоборства, а о ступенях одной и той же шкалы.²⁰

Как война, так и любые военные конфликты – это различные степени выражения организованной вооруженной борьбы, неизбежно отличающейся массовым кровопролитием. У них – гигантский потенциал уничтожения и разрушения, они способны убить человечество, жизнь на Земле, раздробить саму планету. Как показывает опыт последних военных противостояний (в Югославии, Афганистане, Ираке и др.), их начало знаменуется мощнейшими ударами авиации и высокоточных ракет, призванными уничтожить военно-политическое руководство противника, пункты управления, узлы коммуникаций, экономику, системы жизнеобеспечения населения и принудить противника к капитуляции. Их характерными чертами являются: решительное превосходство одной из сторон в совокупной мощи, экономике, военнотехническом и организационном отношении, информационных средствах, коалиционной поддержке, скоротечности и т.п. Отсюда важность смещения внимания ученых к выявлению действительно новых параметров и особенностей современных форм вооруженного противоборства, а также способов их предотвращения.

В настоящее время актуализируются и проблемы поиска оснований для внутренней дифференциации отдельных разновидностей вооруженного противоборства.

Так, в рамках традиционных исследований войн, по моральным основаниям отличали спра-

ведливые войны (в защиту государственной территории, национальной независимости и суверенитета) от войн несправедливых (агрессивных, захватнических). Весьма сходным представляется разграничение по политическим целям – на завоевательные и национально-освободительные войны.

Ученые предлагают для этого ряд критериев, которые включают: а) оценку реальных политических намерений и целей участников войны (конфликта); б) правовую квалификацию действий сторон (соответствие Уставу ООН, нормам международного права); в) моральную оправданность действий сторон с точки зрения общечеловеческих норм, гуманности и т.п.²¹

На наш взгляд, в связи с обострением межэтнических конфликтов, а часто – их преднамеренным развязыванием заинтересованными субъектами, указанные классификации неизбежно носят субъективный характер и не отвечают сложившимся реалиям.

В зависимости от типа участников, войны иногда делят на классические межгосударственные и классические внутренние (гражданские) войны. Гражданская война часто характеризуется как вооруженное столкновение различных социальных слоев общества. В последние годы эта классификация пополнилась новыми типами: «межгосударственные войны с внутренними подрывными действиями» и «внутренние войны с внешним вмешательством» (Югославия, Восточный Тимор, Ирак). Тем не менее, некоторые «внутренние» (например, в Ливане в 1975 г.) и межплеменные войны (в Афганистане на протяжении последних десятилетий), где все стороны являются негосударственными акторами, не укладываются в эту классификацию.

Широко распространенной является, по существу, сходная типология, включающая: 1) классические территориальные войны, ставкой в которых является завоевание (отстаивание) территории (иногда предполагающие покорение проживающего на ней населения); 2) сепаратистские войны (за отделение и образование самостоятельного государства); 3) ирредентистские войны (за воссоединение представителей разделенного этноса, компактно проживающих на территориях сопредельных государств).

По направленности военных действий различают конвенциональные войны, задачей которых выступает нейтрализация и/или разрушение военного потенциала противника, и тотальные войны, в которых вооруженные действия ведутся как против войск противника, так и против населения его страны.²² К последней классификации добавлены тоталитарные войны, направленные преимущественно (а нередко исключительно) против населения.²³

Отечественные авторы обращают внимание на типологию, построенную по такому основанию, как способы ведения боевых действий, в соответствии с которой войны делятся на регулярные (классические); партизанские и диверсионно-подрывные,²⁴ а также войны контактные и бесконтактные (или войны шестого поколения²⁵) и «войны с невидимками».²⁶ В последнем случае имеется в виду война нового типа, происходящая «практически без боевых столкновений, которую ведет латентный противник».²⁷

Современная типология войн быстро обогащается по масштабным и особенно военнотехническим и стратегическим признакам: по поколениям оружия, которым они ведутся; симметричности или асимметричности (одинаковыми или различными способами); контактности или бесконтактности (с наземными сражениями или без них); с охватом всех географических сфер или отдельных из них; «мятежевойны» и т.д.

Некоторые авторы выделяют «асимметричные войны»,²⁸ под которыми понимаются войны между разными типами социальных субъектов (например, государства против негосударственных акторов), а также вооруженные конфликты, в которых противники используют качественно различные средства вооруженной борьбы.

Следует отметить, что, несмотря на то, что все указанные «квалификации» войн далеко не идеальны, их также применяют и к военным (вооруженным) конфликтам.

В рамках типологии видов вооруженного противоборства получили широкое распространение такие термины как «информационные войны», «кибервойны», «психологические войны».²⁹

Действительно, имеющиеся на сегодняшний день общие определения понятия «война» не учитывают таких относительно новых по их стратегическому значению явлений, которые отражаются в терминах «информационная война», «кибервойна» и т.д. Подобные термины на первый взгляд несколько «экзотичны», а их употребление представителями СМИ нередко придают им метафорический оттенок. При этом на передний план зачастую выдвигаются не существенные черты войны, а ее методы.

Иногда использование указанных терминов приобретает чрезмерно категоричный характер и заслоняет то обстоятельство, что основным признаком войны до сих пор остается вооруженное противоборство – ведение боевых действий, сопровождающихся массовыми убийствами. Временами игнорируется и то, что в таких случаях описывается не столько феномен собственно войны, сколько новые стратегии и высокотехнологичные средства, применение которых призвано обеспечить достижение поставленных (политических) целей, не прибегая к войне.

Вместе с тем было бы опрометчиво недооценивать эвристический потенциал, которые несут в себе названные выше термины, их значение для осмысления эволюции, которую претерпевают войны в современной истории человечества с точки зрения как способов их ведения, так и самого их содержания.

На наш взгляд, больше всего неопределенностей возникает при типологизации форм вооруженного противоборства по социально-политическим и геополитическим основаниям.

Во-первых, вызывает недоумение предложение «сохранить принятое ранее деление войн по социально-политическим основаниям на четыре главных типа – между государствами противоположных систем, внутри либерального мира, за освобождение от чужеземного ига, гражданские».³⁰

Во-вторых, современная геополитическая классификация включает мировые, региональные, субрегиональные и локальные войны. В последние годы в качестве относительно самостоятельного типа стали выделять «локальные войны с тенденцией их перерастания в региональные войны». Также имеют место попытки идентификации «новых типов войн» – глобализационных, межцивилизационных, цивилизационных, «проникающих», между бедными и богатыми странами, за природные ресурсы, подлинную демократию и др.

Указанные классификации, кроме того, что просто затрудняют кодификацию различных признаков вооруженного противостояния, намного отстают от тех трансформаций, которые наблюдаются в современном мире.

Действительно, современное мировое развитие определяется двумя неразрывными процессами – глобализацией и фрагментацией. Так, переплетение финансовых, торговых и промышленных связей является не только источником взаимозависимости, но и ее асимметричности, в результате чего углубляются традиционные формы неравенства и возникают новые. Обостряя тем самым причины военных конфликтов, глобализация порождает новые, неизвестные ранее возможности их ведения – с точки зрения как ресурсов (финансовых, технологических), так и участвующих субъектов, число которых неизбежно увеличивается. Возникают новые типы вооруженных конфликтов, а из известных типов войн все более широкое распространение получают такие, которые ранее были малозаметны и/или не влияли на общий облик среды безопасности.

Более того, очень сложным представляется вопрос о социально-политическом группировании войн по типам, связанном с особенностями эпохи, характерными для нее противоречиями. Одни полагают, что с наступлением XXI в. началась иная эпоха. Другие считают, что хотя рас-

становка сил изменилась, военные противоречия, типичные для XX в., сохраняются и даже имеют тенденцию к нарастанию, но одновременно на первый план выдвинулись новые противоречия.

В данной связи целесообразно выделить ряд фактов, которые, возможно, позволят исследователям наметить новые теоретико-методологические подходы к анализу современных форм вооруженного противоборства.

В настоящее время вследствие одновременного действия процессов глобализации и фрагментализации имеет место реальная трансформация существующей системы международных отношений.

С одной стороны, глобализация сама по себе объективно есть развитие связей и отношений, активизация обмена между странами и народами технологическими и культурными достижениями, что, естественно, служит миру. С другой стороны, она превращается в генератор войн и вооруженных конфликтов в результате реализации политики навязывания одними народами другим чуждых форм жизни.

В любом случае глобальные изменения в мировом сообществе неизбежно ведут к пересмотру сложившегося в мире баланса военных сил.

Как отмечают специалисты, в классическом понимании война неотделима от государства, которое является ее непременным участником – по меньшей мере, одним из субъектов. Иначе говоря, структурирующим принципом мировой политики и, следовательно, анализа и классификации войн в нем служит вестфальская система, т.е. система межгосударственных отношений. В этой системе действуют более или менее однородные акторы, которые ведут себя относительно сходным образом. Соответственно относительно однородной является и среда безопасности, главные проблемы которой сводятся к защите (в том числе военными средствами) национальных интересов, незыблемости государственного суверенитета, правовому регулированию вооруженных конфликтов, нераспространению оружия массового уничтожения и т.п.

Эта система и в настоящее время сохраняет свою актуальность. Однако становится все более очевидным, что современная среда безопасности гораздо более многослойна, а происходящие в ней трансформации выдвигают на передний план новые вопросы, часто гораздо более сложные, чем те, которые стояли в центре традиционных исследований.³¹

Глобализация мирового сообщества усилила интеграционные процессы не только в экономической и информационной сферах, но и в военной.

Так, самостоятельной и заметной силой в сфере решения проблем безопасности стали глобальные военные монополии, например, НАТО, стремящиеся не только к реализации внешнеполитических целей страны базирования, но и

к продвижению своих интересов в процессе укрепления собственной корпоративной культуры и системы ценностей. Большинство транснациональных военных корпораций имеет службы безопасности и разведку, по потенциалу и оснащенности превосходящие армии многих современных стран.

В условиях глобализации мало что может считаться «внутренней проблемой», и, более того, немногие государства имеют потенциал для самостоятельного их решения. По мнению глобалистов, в современных условиях государственноцентричная модель является анахронизмом. Государства существуют до тех пор, пока на их основе не возникнет новая глобальная структура.³² Поэтому у военных не может быть ограничений, накладываемых устаревшими принципами национального суверенитета. Расширение списка угроз и вызовов, которые ряд экспертов именуется нетрадиционными, чтобы отличить их от классических угроз военного характера, исходящих от национального государства, предоставляет широкую базу для обоснования вмешательства, в том числе военного. Кроме того, одним из факторов использования вооруженных сил в современном мире является способность проецировать силу в максимально короткие сроки в любой регион.

В современную эпоху существенно интенсифицировались процессы так называемой «наднационализации» – одной из важнейших тенденций современного мира является формирование нескольких региональных по сути «наднациональных» сообществ, характеризующихся культурно-исторической общностью. В данной связи в недрах Европейского союза уже несколько лет ведется дискуссия о формировании европейской оборонной идентичности и необходимости создания собственных вооруженных сил, по сути наднациональных. Речь идет не только об образовании новых по форме вооруженных подразделений и реформе системы планирования и управления, но и об изменении системы мотивации «человека в форме». Если раньше он призывался или нанимался защищать интересы того или иного государства, то сейчас предлагается наднациональный институт с далеко не единой системой ценностей и идеалов.

Наряду с глобализацией в мировом сообществе активно идут процессы фрагментализации или локализации. Происходит дробление субъектов современной мировой политики, кардинально меняющее характер глобальной конкуренции, повышающее риск несанкционированных вооруженных столкновений.

Так, в XX в. международное сообщество выработало нормы и процедуры объявления, ведения и прекращения войны. Однако с появлением и укреплением «независимости» новых акторов мировой политики увеличилось

число тех, кто не склонен подчиняться этим правилам. Многими исследователями отмечается социально-политическая тенденция, выявленная на основе статистического анализа множества социальных факторов: в то время как число классических межгосударственных войн уменьшается, растет число внутрисударственных конфликтов и войн. Таким образом, волна насилия нарастает, но уже в форме локальных войн и вооруженных стычек – гражданских конфликтов, имеющих огромный разрушительный потенциал и отличающихся особой жестокостью.³³

Проявлением фрагментации современного мира – оборотной стороны глобализации – становится разрушение единства международной стратегической среды, сопровождающееся «приватизацией войн»,³⁴ «возвратом к новому Средневековью с опасностью неуправляемой анархии».³⁵

Однако наиболее значимым, если говорить о сущности современного вооруженного противоборства, представляется тот факт, что на арене мировой политики набирают мощь и влияние нелегитимные субъекты. Это мафиозные объединения, бандформирования, вооруженные группы, наконец, организации международного терроризма, которые в достижении своих целей не останавливаются перед самыми бесчеловечными преступлениями.³⁶

Особого внимания заслуживает деятельность мусульманских террористических организаций, которые «прикрываются» исламской фразеологией.

На наш взгляд, не совсем корректно утверждать, что единой западной цивилизации (объединяющей Европу и Северную Америку) противостоит исламская цивилизация, сформировавшая отличающуюся систему критериев применения военной силы, что «в недрах исламского мира формируется та физическая и духовная сила, которая вышла на линию противостояния с европейским миром».³⁷

Во-первых, вряд ли можно говорить о несомненном единстве «западной цивилизации», которую продолжают раздирать серьезные политические, экономические и социальные противоречия.³⁸

Во-вторых, террористическая деятельность ряда экстремистских организаций имеет мало общего с традиционными мусульманскими ценностями. По существу, это форма выражения особой радикальной идеологии – религиозного фундаментализма.

Религиозные фундаменталисты предпочитают воинственный стиль политики, а политический конфликт является для фундаменталистов ареной сражения или войной, в которой, в конечном счете, «верные» должны победить, а для этого все средства хороши. Одно из

последствий воинственности – готовность участвовать в любом, часто нелегитимном, антиконституционном или радикальном политическом действии. Типичным оправданием фундаменталистов является то, что они уничтожают зло, выполняя желание Бога (Аллаха и т.п.).

К сожалению, очень часто религиозный фундаментализм, в данном случае исламизм, используется узкой группой лиц, стремящихся подчинить политику своим конъюнктурным соображениям, амбициозным и корыстным целям.³⁹

В то же время сетевая, широко распространенная структура фундаменталистских исламистских организаций устойчива и мало уязвима. Кроме того, эта структура многократно усиливает свою мощь через подключение к инфраструктуре атакуемой стороны. Речь идет не только об Интернете, банковской сети и транспорте стран европейской цивилизации. Эксплуатируются учебные системы, политические технологии и экономические институты «атакуемой стороны», что вполне укладывается в рамки фундаменталистской концепции – вести войну средствами противника.

Ударной силой является новое оружие массового поражения – шахиды. Производство этого оружия не требует больших заводов, шахт, крупных складов, а ресурсы для производства «человекобомб» не ограничены и легко возобновляемы. При этом исламисты выбирают центры, разрушение которых сможет максимально дезорганизовать государственную жизнь, дезориентировать массовое сознание, вызвать мощные негативные эмоции (ужас, апатию и т.п.).

Они полагают, что для нанесения ущерба совершенно необязательно поражать центры государственного или военного управления, что было целью в обычных войнах, – выбор конкретного объекта нападения не имеет особого значения. Данный объект очень широк – это мирное население.

Традиционные структуры безопасности типа межгосударственных вооруженных альянсов не приспособлены для борьбы с фундаменталистскими угрозами. Более того, неадекватное использование мощи самой сильной в военном отношении державы мира и ее союзников в Ираке не только обнаружило свою неэффективность, но и придало «новое дыхание» транснациональному терроризму.

Наличие ядерного оружия для ответного удара теряет смысл: нет конкретного адреса, «угрожающая сторона» рассеяна среди мирного населения на громадной территории. Противник – не государство, не компактный субъект. Это сетевая организация, охватывающая полконтинента, постепенно проникающая на Европейский и Североамериканский континенты по легальным и нелегальным каналам миграции.

Поэтому возможности для ответного целевого удара, организованного с помощью традиционных военных средств тут совершенно ничтожны.

Таким образом, распространение международного терроризма, возникновение форм вооруженного противостояния «нового поколения» лишь усложнило среду безопасности, сделав ее более «многослойной», чем прежде. Столкновения великих держав и межгосударственные войны типа Первой или Второй мировой войны и в самом деле становятся все менее вероятными, однако мир не становится более безопасным.

В современном мире множится число государств, международных институтов, многообразных неправительственных организаций, международных мафиозных структур и преступных групп, увеличиваются экономическая мощь и политический потенциал крупного бизнеса, интенсифицируются массовые миграционные потоки, усиливается воздействие крупнейших СМИ на сознание и поведение людей. При этом, во-первых, необычайно усложняются отношения между этими разнородными акторами; во-вторых, растут их возможности оказывать воздействие на всю международную систему в своих интересах.

В целом же происходит усложнение форм и ставок современного вооруженного противоборства и, соответственно, всей стратегической среды мировой политики. С точки зрения Д. Бигго, постбиполярный конфликт принимает форму триады, основанной на «взаимопересечении динамик централизации, децентрализации и транснационализации».⁴⁰ По существу, то же

имеет в виду Дж. Най, говоря, что мировая политика превратилась в «трехмерную шахматную игру». При этом «на верхней доске» представлены классические военные аспекты отношений между государствами; «на среднем уровне» – уровне международной экономики – распределение силы имеет многополярный характер; наконец, «на нижней доске» – «на уровне транснациональных отношений – сила распространяется в широких пределах и хаотически распределяется между государствами и негосударственными игроками».⁴¹

Многоуровневый характер современной мировой политики диктует необходимость, с одной стороны, критического, но вместе с тем бережного наследия в изучении войны, а с другой стороны, внимательного анализа все более расширяющегося поля новых вооруженных конфликтов, отличающихся не только от классических войн, но зачастую и друг от друга. Следовательно, при изучении войны неизбежно сочетание традиций и новаций.

Следует согласиться с тем, что «знания о войне развиваются медленнее, чем необходимо. По ряду важнейших «вековых» проблем есть откат назад из-за нарушения закона преемственности в развитии науки, механического отвержения наработок прошлого. Проблемы войны и мира чаще всего поверхностно и конъюнктурно освещаются в СМИ. Они слабо отражены в планах Российской академии наук, даже в военных академиях и училищах ослаблено изучение данных проблем. Ученым предстоит сделать очень многое, чтобы исправить положение дел в этой сфере».⁴²

¹ Серебрянников В.В. Эволюция представлений о войне // Социология современных войн. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2004. – С. 46.

² Клаузевиц К. О войне. – М., 1997. – С. 35.

³ Там же. Гл. 1, 2.

⁴ Small M., Singer J.D. Resort to Arms. – N.Y., 1982.

⁵ Dufour J.L. Quel avenir pour la guerre? Actualite et perspectives des conflits armes // Le trimestre du monde. 3-е trimestre 1996. Dossier Theorie et pratique de la confluctualite dans les relations internationales. – P.23.

⁶ Цыганков П.А. Проблема войны в социологии международных отношений // Социология современных войн. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2004. – С. 14.

⁷ Там же. – С. 16.

⁸ Маликова Н.П. Социологическое видение современных локальных войн // Социология современных войн. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2004. – С. 66.

⁹ Никсон Р. 1999 г. Победа без войны. – М., 1989; Лиддел-Гарт Б.Г. Стратегия непрямого действия. – М., 1957; Томпкинс Дж. Оружие третьей мировой войны. – М., 1969; Швейцер П. Победа. – Минск, 1995.

¹⁰ Hague Convention III Relative to the Opening of Hostilities, 1907, 3 NRGT, 3 serie, 437, article 1.

¹¹ Deter I. The Law of War. – Cambridge, 2000. – P. 11.

¹² Рубан Л.С. Чеченский узел кавказского кризиса. – М., 1996. – С. 70.

¹³ Там же. – С. 71-72.

¹⁴ Там же. – С. 86.

¹⁵ Махонин В.А., Ткачев В.С. Военные конфликты: теория, история, практика. Учебное пособие. – М., 1994. – С. 11-13.

¹⁶ Клименко А.Ф. // Военная мысль. – 1992. – № 10.

¹⁷ Национальная безопасность России: реальность и перспективы. – М., 1996. – С. 111.

¹⁸ Нахлик С.Е. Краткий очерк международного гуманитарного права. – М., 1993.

¹⁹ Цыганков П.А. Проблема войны в социологии международных отношений // Социология современных войн. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2004. – С. 27.

- ²⁰ *Detter I.* The Law of War. – Cambridge, 2000. – P. 11.
- ²¹ *Серебрянников В.В.* Эволюция представлений о войне // Социология современных войн. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2004. – С. 49.
- ²² *Хрусталеv М.А.* Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // Международные процессы. – Май-август 2003. – № 2. – С. 62.
- ²³ *Аснер П.П.* Насилие и мир. – СПб., 1999.
- ²⁴ *Хрусталеv М.А.* Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // Международные процессы. – Май-август 2003. – № 2. – С. 56.
- ²⁵ *Фененко А.В.* Войны шестого поколения // Международная жизнь. – 2004. – № 2.
- ²⁶ *Галенович Ю.М.* Китай и сентябрьская трагедия Америки. – М., 2002. – С. 127-128.
- ²⁷ *Хрусталеv М.А.* Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // Международные процессы. – Май-август 2003. – № 2. – С. 56.
- ²⁸ *Bishara M.* Le Monde Diplomatique. – October 2001.
- ²⁹ *Панарин И.Н.* Информационная война в России. – М., 2000; *Кузнецов П.А.* Информационная война и бизнес // http://www.fbr.donetsk.ua/Info_War/text02.shtml; *Шубин А.* Перманентная информационная война. // http://www.creativism.newmail.ru/SMIInfo_War; *Шерман А.* Информационные войны (кибервойны). // <http://www.gazeta.msk.ru/dossier/06-08-1999/infowar.htm>.
- ³⁰ *Серебрянников В.В.* Эволюция представлений о войне // Социология современных войн. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2004. – С. 49-50.
- ³¹ *Цыганков П.А.* Проблема войны в социологии международных отношений // Социология современных войн. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2004. – С. 14.
- ³² *Fought S., Holman G.* Nation Building: The View from the Pointy End of the Spear // The Brown Journal of World Affairs. Vol. II. – Winter 1994. – №1. – P. 21.
- ³³ *Минюшев Ф.И.* Духовная составляющая современной войны, ведущаяся государством и коалицией государств // Социология современных войн. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2004. – С. 114.
- ³⁴ *Най Дж. (мл.).* После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. – 2003. – № 3.
- ³⁵ *Аснер П.П.* Насилие и мир. От атомной бомбы до этнической чистки. – М., 1998. – С. 49.
- ³⁶ *Рыхтик М.И.* Фактор военной силы в современной мировой политике // Социология современных войн. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2004. – С. 31-32.
- ³⁷ *Пригожин А.И.* Особенности четвертой мировой войны // Социология современных войн. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2004. – С. 55.
- ³⁸ *Эш Т.Г.* Антиевропейские настроения в Америке // Pro et Contra. – 2003. – № 1. – Т. 8.
- ³⁹ *Heywood A.* Political Ideologies. An Introduction. – London, 1998. – P. 202.
- ⁴⁰ *Bigo D.* Les conflits post-bipolaires // Cultures et conflits. – 1993.
- ⁴¹ *Най Дж. (мл.).* После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. – 2003. – № 3.
- ⁴² *Серебрянников В.В.* Эволюция представлений о войне // Социология современных войн. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2004. – С. 53.

На сайте ИСПИ РАН публикуется в авторской редакции.